

В прошлый раз, проведя ночь на улице и опозорившись, Лю Яоцин сказал пару слов, и на этом всё затихло. Лю Цюаньфу вернулся к старым привычкам, но в этот раз Лю Яоцин явно положил в помидоры большую жгучую траву — это было сделано назло. В итоге Лю Цюаньфу разозлился.

С малых лет в этом доме всё было по его желанию. Лю Цюаньфу привык жить как вздумается: делать что хочет и брать что приглянется. В конце концов, старик Лю всегда его прикрывал. Даже сейчас, в таком возрасте, он по привычке не считался с Лю Яоцином и, захотев помидоров, просто шёл и брал их.

Совершенно не ожидая, что Лю Яоцин намеренно добавил большую жгучую траву.

— Чжэн-гэ, сходи позови Цин-гэра обратно, — сказал старик Лю. Он слушал, как Лю Цюаньфу ругался уже с утра, как разъяренный лев. Жаль было Ли-ши, которая суежилась, меняя солому, и он решил позвать Лю Яоцина.

Услышав это, возница у ворот и Гао Фугуй не стали ехать к Чжэцзы, а остались ждать у ворот дома Лю.

Вскоре Лю Яоцин пришел следом за Чжэн-гэ.

— Лю Яоцин, что, решил мир перевернуть? Позови Цюаньцзиня домой, я хочу с ним поговорить, как он своего сына воспитывает, раз тот так жестоко с родными обходится, — сказал Лю Цюаньфу. Он сидел на сухой траве, и из-за большой жгучей травы, закончив фразу, не смог сдержаться и обделался. К тому же он ещё и ушибся, так что двигаться было трудно.

Это было всё равно что сидеть в выгребной яме. Лю Цюаньфу с мрачным лицом орал ещё громче.

— Чжэн-гэ, Мин-гэ и Сяо Бао, — Лю Яоцин обернулся и указал на этих троих парней. — Ваш отец дома с кана не может встать, так чего вы бабушку заставляете за ним ухаживать? Идите найдите тётку. Скажите, что Цин-гэр велел: если она не придёт, я лично приду и залью ей в рот большой жгучей травой, чтобы она легла на кан вместе с дядей!

Чжэн-гэ и Мин-гэ переглянулись и посмотрели на старика Лю и Ли-ши.

— Чего застыли? Вы тоже большой жгучей травы попить хотите? — Лю Яоцин нахмурил брови, голос повысил.

Двое парней дернулись и побежали к выходу. Сяо Бао замер на мгновение, растерянно глядя то на старика Лю, то на дверь, потом тоже вышел, но не побежал за братьями, а встал рядом с повозкой и задрал голову.

Видя, что старик Лю всё так же хмурится и сегодня в поле не вышел, Лю Яоцин почувствовал иронию. На кого он так кривляется? Из старшей ветви семьи никто этого не видит, только третья ветвь — Лю Цюаньцзинь и Ли-ши — могут принять это близко к сердцу. Такой трюк действительно противен, он может только мучить тех, кто почтителен.

Стоя у двери с холодным лицом, Лю Яоцин посмотрел на Лю Цюаньфу внутри:

— Дядя, что хотел сказать? Я пришёл.

— Лю Яоцин, ты ещё смеешь возвращаться? Позови Лю Цюаньцзиня домой, я хочу, чтобы он

посмотрел на своего хорошего сына... — Лю Цюаньфу протянул руку, указывая пальцем на нос Лю Яоцина, как хитрая серая крыса, затаившаяся в норе.

— Не жди моего отца, говори сразу, чего хочешь, — сказал Лю Яоцин и обернулся к старику Лю. — Дедушка, Гао Фугуй всё ещё у наших ворот, позови их войти.

Сидевший неподвижно старик Лю резко поднял голову и только заметил пегую лошадь у ворот. Он поспешно встал, поправил одежду, велел Ли-ши приготовить чай и вышел встречать Гао Фугуя.

— Дай мне десять лянов серебра, и ты больше никогда не тронешь большую жгучую траву, — сказал Лю Цюаньфу. Сначала он хотел позвать Лю Цюаньцзиня домой, чтобы тот избил Лю Яоцина и выпустил пар, но тут возникла другая мысль: получить серебро было важнее всего.

Лю Яоцин в последнее время каждый день принимал торговцев, да и Гао Фугуй теперь приехал. Серебра у него в руках наверняка немало.

Глаза у Лю Цюаньфу забегали, и он уже не так злился. В уме он подсчитывал, сколько серебра может быть у Лю Яоцина сейчас, и решил, что вытянет из него как минимум восемьдесят процентов.

Вся деревня знала: хотя поля и помидоры записаны на имя Чжэцзы, слово Лю Яоцина — закон. Всё это — его!

Раньше предлога попросить серебро не было, а сейчас можно потребовать с него по-крупному. Лю Цюаньфу думал так и чувствовал себя extraordinarily хорошо, словно всё тело расслабилось, а вонь в комнате казалась не такой уж противной.

С усмешкой глядя на смену выражения лица Лю Цюаньфу, Лю Яоцин сказал:

— Дядя, бей себя обухом по голове, увидишь всё во сне. Я позову тётку обратно, чтобы она за тобой ухаживала, но чтобы я таких слов больше не слышал, а то, боюсь, ты с кана уже не встанешь.

Взглянув на ноги Лю Цюаньфу, прикрытые рваной тряпкой, Лю Яоцин улыбнулся:

— Мы ведь давно говорили: если дядя продолжишь вести себя неподобающе, я найду людей, чтобы тебе ноги перебили.

Если бы Лю Яоцин сказал это раньше, это сочли бы детской болтовней. Но сейчас у него в руках вино «Нектар небожителей», помидоры, он каждый день продает лепешки и знает множество людей с юга и севера. Его вес в деревне уже был не прежним.

Лю Цюаньфу невольно вздрогнул, а когда Лю Яоцин ушел, он вдруг проснулся.

Раньше в этом доме он творил что хотел, потому что не было того, кто мог бы его обуздать. Но теперь, кажется, тот самый Цин-гэр, на которого он раньше и не смотрел, оказался таким способным, что Лю Цюаньфу боялся и пикнуть.

Снаружи младшая Ли-ши намеренно пряталась. Когда Чжэн-гэ и Мин-гэ нашли её и передали слова Лю Яоцина, она поспешно вернулась домой, не смея не ухаживать за Лю Цюаньфу. Слова Лю Яоцина — это не пустяки.

— Чжэн-гэ, позови маму домой, скажи, что пришли гости, нужно устроить пир, — велел Лю Яоцин отправить Лю Яочжэна за дверями снова.

В комнате Гао Фугуй принёс пакет сахара и аккуратно завернутые в масляную бумагу лепешки, поставил на стол. Сяо Бао сидел рядом, жадно глядя. Старик Лю улыбался, разливая Гао Фугую чай, а увидев входящего Лю Яоцина, поспешно заулыбался и обратился к нему.

— Цин-гэр послушный и почтительный, если что не так, скажи прямо, я потом с ним разберусь, — улыбнулся старик Лю.

Гао Фугуй рассмеялся:

— Цин-гэр хороший парень.

Слова звучали так, будто Лю Яоцин действительно так уж прост. Хотя дом Гао Фугуя не был знатным, народа в нём было немало, и интриг он видел немало. Глядя на Лю Яоцина, он понимал: парень не прост, и трогать его не стоит.

Лю Яоцин сделал вид, что не слышал, и, видя, как у Сяо Бао течет слюна, сам распечатал пакет с лепешками и подвинул ему.

Поговорив с Гао Фугуем о делах, Лю Яоцин вышел, увидел, что Ли-ши вернулась, дал немного серебра Чжэн-гэ и велел ему помочь с закупками для пира, как это обычно делалось в деревне.

Если бы пир устроила Ли-ши, он был бы лишь чуть лучше обычного обеда. Всё, что можно сэкономить, она бы сэкономила, и блюда на столе выглядели бы непрезентабельно. Лю Яоцин видел, как Ли-ши устраивала пиры раньше — хорошего там было мало.

Пир — это не лицо, а чтобы люди ели с удовольствием. Гао Фугуй явно приехал по делу, и если покормить его плохо, как уж тогда с делами?

— Цин-гэр? — Чжэцзы-гэ вернулся из городка. Ещё не дойдя до дома, он услышал о случившемся в доме Лю и свернул сюда.

— Чжэцзы-гэ, ты вернулся, как раз вовремя. Зайди домой, возьми лепешек и помидоров, если есть зелень — тоже принеси. Тут пир устраиваем, ты садись с нами, — сказал Лю Яоцин. Он как раз собирался сам идти к Чжэцзы, но вовремя вернулся брат и сберег ему беготню.

Чжэн-гэ купил свиное сало, Лю Яоцин велел Ли-ши всё вытопить. Зелень помыли, стряхнули воду и кинули в масло жариться; как размякла — вынули. Яичницу тоже поджарили, положили на тарелку рядом с лепешками — кто чего хочет, сам завернет.

Жареная зелень пахла вкусно, хрустела на зубах, а с лепешками и яйцом — чем ешь, тем вкуснее.

Ещё были свежие грибы, их тоже пожарили, чем жуёшь — тем слаще.

Жареным Лю Яоцин угостил всех как закуской, а помидоры нарезали ломтиками, посыпали сахаром и подали на десерт — после жирного хорошо освежает. Вино тоже велел купить отдельно, рисовое, а стариковское вино Лю Яоцин не трогал.

Пир был богат, старик Лю ел, сияя, чувствовал себя важным, думал, что это Ли-ши устроила, и в словах не скрывал гордости за семью.

<http://bllate.org/book/16688/1531839>